

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2026-1-216-221>

Бремя доказывания и стандарты доказанности при защите добросовестного контрагента в конкурсном оспаривании сделок должника

Н. В. Свечникова,кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Svetchnikova.NV@rea.ru**Д. Н. Семенихин**

магистрант Высшей школы права РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
Email: maz9889@mail.ru

The Burden of Proof and Standards of Proof in Protecting a Bona Fide Counterparty in a Competitive Dispute Over the Debtor's Transactions

N. V. Svechnikova,PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Svetchnikova.NV@rea.ru**D. N. Semenikhin**Master's Student of the Higher School of Law of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
Email: maz9889@mail.ru*Поступила 24.01.2026 Принята к печати 05.02.2026*

Аннотация

Статья посвящена доказательственной архитектуре защиты добросовестного контрагента в делах о конкурсном оспаривании сделок должника по статьям 61.2–61.3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Предметом исследования являются практические механизмы, посредством которых при формально определенных составах подозрительности и предпочтения исход спора фактически решается распределением бремени доказывания, использованием нормативных презумпций и фактических индикаторов, а также достаточностью доказательств. Методологическая база включает системный анализ норм материального и процессуального права, анализ судебной аргументации и практико-ориентированное моделирование предмета доказывания по таким ключевым аспектам, как осведомленность, обычная хозяйственная деятельность, порог 1% и причинная связь вреда. Научная новизна состоит в предложенной классификации презумпций и индикаторов, в выделении стандарта «констелляции обстоятельств» и правила «анти-ярлыка» (недопустимость вывода о знании/цели вреда из единичного маркера), а также в разработке минимальной модели защиты, ориентированной на проверяемую причинную связность выводов суда и симметрию доказательственного риска сторон. Сделан вывод о необходимости дисциплины предмета доказывания и мотивированной проверки альтернативного добросовестного объяснения. Практическая значимость модели проявляется в возможности формировать сжатую, но верифицируемую доказательственную базу и повышать предсказуемость оборота.

Ключевые слова: банкротство, конкурсное оспаривание, недействительность сделок, подозрительные сделки, сделки с предпочтением, бремя доказывания, стандарт доказывания, достаточность доказательств, добросо-

вестный контрагент, осведомленность, доказательственный риск, обычная хозяйственная деятельность, косвенные доказательства, индикаторы осведомленности, стандарт достаточности.

Abstract

The article is devoted to the evidentiary architecture of the protection of a bona fide counterparty in cases of competitive challenge of debtor's transactions under Articles 61.2–61.3 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" No. 127-FZ dated October 26, 2002. The subject of the study is practical mechanisms through which, with formally defined compositions of suspicion and preference, the outcome of a dispute is actually resolved by limiting the burden of proof, using normative presumptions and factual indicators, as well as sufficiency of evidence. The methodological framework includes a systematic analysis of substantive and procedural law, an analysis of judicial argumentation, and practice-oriented modeling of the subject of evidence for key aspects such as awareness, routine business activities, the 1% threshold, and causation of harm. The scientific novelty consists in the proposed classification of presumptions and indicators, in highlighting the "constellation of circumstances" standard and the "anti-label" rule (the inadmissibility of inferring the knowledge/purpose of harm from a single marker), as well as in developing a minimal protection model focused on the verifiable causal coherence of the court's conclusions and the symmetry of the evidentiary risk of the parties. The conclusion is made about the need for discipline of the subject of proof and motivated verification of an alternative good-faith explanation. The practical significance of the model is shown in the ability to form a concise but verifiable evidence base and increase the predictability of turnover.

Keywords: bankruptcy, bankruptcy proceedings, invalidity of transactions, suspicious transactions, preference transactions, burden of proof, standard of proof, sufficiency of evidence, bona fide counterparty, awareness, evidentiary risk, ordinary business activities, indirect evidence, indicators of awareness, sufficiency standard.

Согласно Федеральному закону от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – 127-ФЗ)¹, оспаривание сделок должника в банкротстве традиционно строится вокруг составов подозрительности и предпочтения (ст. 61.2, 61.3 127-ФЗ) и исключений, связанных с обычной хозяйственной деятельностью (ст. 61.4 127-ФЗ). Результат спора определяется тем, как распределяется бремя доказывания и какой порог достаточности доказывания суд применяет к совокупности обстоятельств по делу. Рассматриваемый механизм определен статьями 65, 71 и 170 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (далее – АПК РФ). При этом контрагент вправе рассчитывать на предсказуемый режим доказывания без «санкции» за сам факт его участия в сделке.

Кроме того, добросовестность участников оборота и разумность их поведения презюмируются нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в частности, статьей 1 ГК РФ (часть первая). В банкротстве специальные основания оспаривания модифицируют материально-правовой режим, однако недобросовестность контрагента и тем более его осведомлен-

ность не могут предполагаться «по умолчанию» только потому, что должник стал несостоятельным. Таким образом, в мотивировочной части судебного акта особое значение приобретает оценка совокупности обстоятельств.

Для защиты добросовестного контрагента важно различать два уровня:

а) доказанность объективных признаков (период, характер предоставления, нарушение очередности удовлетворения);

б) доказанность субъективных элементов (цель причинить вред, осведомленность о признаках неплатежеспособности и т. п.).

Разграничение объективных и субъективных элементов важно, поскольку выводы о цели и осведомленности нередко становятся решающими в делах об оспаривании сделок несостоятельного лица.

Кроме того, конкуренция общих и специальных оснований недействительности формирует дополнительный пласт доказывания: спор может смещаться от установления признаков недействительности по статьям 61.2–61.3 127-ФЗ к оценочным конструкциям дефекта воли и злоупотребления (ст. 10, 168 ГК РФ и др.), что повышает требуемый порог доказывания [6]. Поэтому защите важно фиксировать, по какому правовому основанию суд оценивает сделку, и пресекать переход от проверки фактов к предположениям.

¹ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 28.10.2002. – № 43. – Ст. 4190.

Даже в рамках статей 61.2–61.3 127-ФЗ суд нередко сначала проверяет «предохранители» оборота – обычную хозяйственную деятельность (ОХД) и порог 1% активов (ст. 61.4). Если исключение применяется, спор о подозрительности/предпочтении может быть прекращен на ранней стадии. Распределение доказательственной нагрузки в таком случае происходит следующим образом: контрагент подтверждает ОХД, а оспаривающее лицо – превышение порога (п. 14 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”»)¹.

При характеристике обычной хозяйственной деятельности важно правильно оценивать такие факторы, как просрочка исполнения и осведомленность контрагента. Просрочка может иметь объективные причины (организационные, технические, логистические) и сама по себе не доказывает, что контрагент знал о неплатежеспособности должника или понимал причинение вреда кредиторам. Следовательно, при выявлении неблагоприятного обстоятельства исполнения суд мотивированно устанавливает, почему такое обстоятельство свидетельствует именно о выходе за пределы обычной хозяйственной деятельности либо о точном знании контрагента [4; 7].

Важно установить, что «обычная хозяйственная деятельность» и порог 1% – это возражения контрагента должника, которые не возникают сами по себе и требуют доказательств: контрагент должен показать соответствие сделки характеру и масштабу оборота должника и отсутствие маскировки вывода активов или предпочтения. Сама по себе ссылка на ОХД не исключает проверки добросовестности: возражение может быть опровергнуто доказыванием недобросовестности контрагента и существенного отклонения конкретной сделки от типичных операций². В частности, с учетом этого момента дело о взыскании задолжен-

ности по банковским гарантиям № А40-183445/2016 направлено на новое рассмотрение, так как необходимо проверить, действительно ли оспариваемые сделки являлись существенно убыточными настолько, что это должно было быть очевидно для любого участника оборота (в том числе бенефициара), и имеются ли основания для лишения их юридической силы, а также исследовать вопрос о наличии сговора или согласованных действий банка (его предыдущего руководства) с иными участниками спорных отношений, в том числе по косвенным признакам. «В то же время по смыслу пункта 2 статьи 61.4 Закона о банкротстве даже в случае наличия у оспариваемой сделки признаков предпочтения она не может быть признана недействительной при условии совершения в рамках обычной хозяйственной деятельности и непревышения ее размером порогового значения в один процент от стоимости активов должника»³. В соответствии с этой нормой суд, например, отменил судебные решения и направил дело о банкротстве № А62-7344/2013 на новое рассмотрение, поскольку суды сделали ошибочный вывод, что моментом заключения оспариваемой сделки является момент согласования всех существенных условий договора, подписания сторонами единого согласованного документа и списания денежных средств со счетов ответчиков. При этом соответствие порогу не запрещает оспаривать подобную сделку по пункту 2 статьи 61.2 127-ФЗ.

При оспаривании сделки на основании предпочтения по пунктам 1–2 статьи 61.3 127-ФЗ субъективный элемент осведомленности не доказывается: достаточным представляется установление признаков предпочтительного удовлетворения.

Если заявитель обосновал выход сделки за пределы ОХД и (или) превышение порога, предмет доказывания смещается с предварительных условий оспаривания на признаки конкретного состава недействительности. Ключевым становится анализ подозрительных оснований, прежде всего неравноценности встречного предоставления по пункту 1 статьи 61.2 127-ФЗ.

В доказательственной перспективе неравноценность, исходя из закона 127-ФЗ, можно представить как спор двух хозяйствующих субъектов,

¹ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 3.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 12 февраля 2018 г. № 305-ЭС17-13572 по делу № А40-183445/2016.

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2024 г. № 310-ЭС15-7336 (40) по делу № А62-7344/2013.

один из которых – заявитель – стремится показать, что должник «отдал больше, чем получил», в связи с чем уменьшил конкурсную массу без адекватной компенсации. Второй – контрагент – напротив, пытается доказать, что экономический смысл был, а эквивалентность исполнения находилась в допустимых границах коммерческого риска.

Для защиты добросовестного контрагента ключевой риск заключается в том, что экономическая эквивалентность часто доказывается косвенно: через сравнимые сделки, рыночные показатели, внутренние расчеты. Суд выясняет, были ли на дату сделки у сторон разумные основания считать обмен эквивалентным: с учетом срочности, качества актива, условий платежа, дополнительных обязанностей и распределения рисков.

Исходя из вышеизложенного, можно говорить о том, что предлагаемая модель защиты имеет определенные направления. В частности, в процессуальном смысле это может касаться определения судом сопоставимых параметров оценки и релевантного рынка. Если говорить об экономическом направлении, то следует обратиться к обоснованию цены и условия сделки ее структурой и распределением рисков. Кроме того, на наш взгляд, немаловажным является подтверждение добросовестности контрагента как обычного участника оборота через осмотрительность, надлежащее документирование и отсутствие аномальных условий сделки.

Учитывая положения пункта 2 статьи 61.2 закона 127-ФЗ, основным в доказывании становится поведение участников: так, заявитель стремится вывести цель причинения вреда и осведомленность из совокупности внешних признаков (состояние должника, безвозмездность, связанность сторон и др.). Опровержение презумптивной конструкции целесообразно строить последовательно, а именно конкретизировать, какой вред вменяется; доказать отсутствие причинной связи между сделкой и заявленным вредом либо наличие встречного предоставления/альтернативного использования ресурсов; подтвердить деловую цель и рациональное объяснение условий документами переговоров и исполнения; разграничить ухудшение положения конкурсной массы как возможный экономический эффект и намерение причинить вред как юридически значимый элемент состава.

На наш взгляд, следует остановиться на таком источнике ошибок, как механическое использование бухгалтерской отчетности без проверки ее достоверности. Судебная практика указывает на

то, что вывод об отсутствии превышения 1% нельзя строить на недостоверной отчетности. В тех случаях, когда размер активов искажен (например, из-за ненадлежащего отражения резервов и иных обязательств), то пороговое сравнение теряет смысл и должно корректироваться исходя из реально подтвержденного финансового положения должника.

Согласно пункту 2 статьи 61.2 127-ФЗ заявитель должен доказать не только «подозрительность», но и причинение вреда имущественным правам кредиторов: вред и причинная связь не подменяются ссылкой на «экономическую нецелесообразность» без раскрытия механизма выбытия имущества или перераспределения рисков¹. Даже при ограниченном доступе к документам управляющий обязан минимально конкретизировать вред и фактическое выбытие имущества. Следовательно, действие презумпций обусловлено тем, что истец сформировал проверяемую фактическую основу заявленных требований.

Целесообразно обратить внимание на тот факт, что, согласно статье 61.3 127-ФЗ, объектом контроля будет являться соблюдение принципа равенства кредиторов и недопустимость выборочного удовлетворения требований, а критерий «знал/должен был знать» актуализируется лишь в отдельных предусмотренных законом случаях.

Подчеркнем, что для обеспечения защиты важны временная последовательность доказательственной нагрузки. Стоит уточнить, что чем дальше сделка от момента инициирования дела о банкротстве и чем менее выражены признаки кризиса должника, тем более «плотной» должна быть совокупность обстоятельств, из которой заявитель пытается установить осведомленность контрагента. Просрочка, а также исполнительные производства не образуют презумпции знания и приобретают значение лишь при связи с нестандартным поведением контрагента. Следовательно, оценка осведомленности должна учитывать доступность информации о системной неплатежеспособности, поведенческую реакцию на неплатежеспособность, а также нетипичность исполнения [3].

В рассматриваемых отношениях можно выделить две стороны оценки доказательств: фор-

¹ Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 апреля 2025 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2025, июль. – № 7.

мально-признаковую (вывод по 1–2 маркерам без реконструкции причинной цепочки) и констелляционную (оценка доказательств как системы с проверкой альтернативы и документальной подтверждаемостью ключевых элементов). Для конкурсного оспаривания, где решающими часто становятся косвенные доказательства, базовым следует считать стандарт «констелляции обстоятельств», потому что отдельные факты не доказывают знание или цель вреда сами по себе, а должны складываться в согласованную картину.

Предлагается исходить из презумпции симметрии доказательственного риска: управляющий (или иной заявитель) не должен получать необоснованного снижения стандарта доказывания только из-за социальной значимости банкротства. Напротив, повышенная конфликтность таких споров требует тщательной проверки совокупности обстоятельств и дисциплины предмета доказывания. В этой связи принципиально добиваться фиксации того, какие элементы состава доказаны непосредственно, какие выводятся косвенно и почему версия защиты отвергнута при наличии альтернативного объяснения [1].

Дополнительно отметим, что стандарт доказывания выступает как мера внутреннего убеждения суда в доказанности юридически значимого факта. Он не совпадает с предметом доказывания и не может произвольно изменяться по ходу процесса. Поэтому дифференциация стандартов в конкурсных спорах допустима лишь постольку, поскольку она оправдана социальной ценой судебной ошибки, а не процессуальным положением стороны.

В доказательственной перспективе важно различать нормативные презумпции, встроенные в состав основания недействительности сделки; правила-презумпции, задающие режим применения предусмотренных законом фильтров и исключений; фактические индикаторы, из которых суд склонен выводиться знание/цель в рамках сделки/действия; процессуальные презумпции поведения, связанные с непредставлением документов и противоречивостью объяснений. Для защиты важно не допускать подмену оценки доказательств автоматическим выводом из единичного индикатора и требовать проверки альтернативной версии с отражением причин ее отклонения в мотивировке.

Для обеспечения защиты добросовестного контрагента ключевой задачей является ограничение «вменения». Говоря об осведомленности в конкурсном оспаривании, ее можно рассматривать как фактическое либо вмененное знание, в этом

случае задачей защиты является ограничение пределов вменения, чтобы публичность информации или неблагоприятное обстоятельство исполнения не подменяли доказанность «должен был знать», так как стандарт доказывания может утратить смысл, а именно перестать требовать совокупности, и в этом случае превращается в санкцию за участие в сделке.

В целях объективной оценки «вмененной осведомленности» важно учитывать, что вменяются лишь обстоятельства, разумно связанные с оцениваемым риском. А также иметь в виду барьер доступности, а именно публичные сведения, которые могут быть практически недоступными для конкретного контрагента или не соответствовать ему. Кроме того, в рассматриваемой проблеме специалисты выделяют для использования барьер альтернативного объяснения, а в том случае, когда факты одинаково объяснимы добросовестной позицией, вывод «должен был знать» требует дополнительных подтверждений.

При дефиците прямых доказательств практика опирается на индикаторы (просрочки, аномальность условий, принудительное взыскание, связанность сторон), однако каждый из них должен оцениваться через связь с поведением контрагента и проверку коммерческого объяснения.

Для практического использования важно учитывать некоторые требования к констелляции, а именно обращать внимание на непротиворечивость (факты не конфликтуют друг с другом), причинную связанность (один факт ведет к другому юридически значимому выводу), исключение альтернативы (добросовестное объяснение проверено и выглядит менее/более вероятным в совокупности обстоятельств), а также проверяемость (существенные элементы подтверждены документально).

Стоит отметить, что одновременно с базовым стандартом «констелляции» встречаются ситуации, когда требуется более высокий «уровень убедительности», предмет доказывания затрагивает оценочные категории злоупотребления и намерения, особенно при конкуренции специальных и общих оснований недействительности. При таких обстоятельствах защита должна требовать от заявителя «повышенное» качество доказательств, учитывая, что факты могут допускать альтернативное добросовестное объяснение [5].

Представляется, что минимальный стандарт достаточности включает «правило антиярлыка», при котором ни один единичный признак не должен считаться самодостаточным доказательством

знания/цели вреда. Сам признак может быть лишь элементом констелляции, требующей подтверждения другими обстоятельствами и проверки альтернативных объяснений. В противном случае индикатор постепенно превращается в «скрытую презумпцию», не предусмотренную законом [2; 8].

Учитывая вышеизложенное, можно констатировать, что защита добросовестного контрагента должна представлять собой управляемый доказательственный процесс. Контрагент, заявляя свою экономическую позицию как добросовестную, должен обосновать ее документарной, подтвержденной информацией (перепиской, расчетами, согласованиями условий). Согласно положениям арбитражно-процессуального законодательства, вышеуказанные действия производятся через истребование доказательств (ст. 66 АПК РФ), фиксацию предмета доказывания (ст. 65 АПК РФ) и требование мотивированной оценки доказательств и причин отклонения альтернативного объяснения (ст. 71, 170 АПК РФ). Полагаем, что акцент при формировании пакета защиты необходимо делать не на количестве документов, а на качественном обеспечении элементов предмета доказывания по соответствующему составу. Например, подтверждения требуют встречное предоставление, исполнение и связь платежей / передачи имущества с договорными обязанно-

стями, причем без искусственного дробления и формального документооборота. Кроме того, подлежит раскрытию контекст отношений сторон, в частности, длительность и регулярность взаимодействия, сопоставимость условий с прежними и обоснованные причины их изменения. Существенным моментом является вопрос, связанный с границами доступности информации для данного контрагента и др.

Таким образом, можно констатировать, что в конкурсном оспаривании сделок по статьям 61.2–61.4 127-ФЗ решающее значение имеет доказательственная дисциплина, которая связана с точным попаданием в состав (и его элементы), контролем над тем, какие факты доказываются непосредственно, а какие косвенно и др. Без этого в судебном процессе существует риск заменить установление фактов презумптивной логикой, а добросовестность – предположением.

Практическая значимость предложенной модели состоит в том, что она структурирует возражения, выявляет зоны доказательственного риска и позволяет сформировать сжатую, но проверяемую доказательственную базу по ключевым элементам предмета доказывания, повышая качество судебной мотивировки и предсказуемость оборота в условиях финансового кризиса должника.

Список литературы

1. Барциц И. Н., Быков В. П., Черникова Е. В., Маркелова И. В. Особенности оспаривания сделок юридических лиц по специальным основаниям, установленным законодательством о банкротстве // Современное право. – 2020. – № 11. – С. 105–113.
2. Женетль С. З., Иваненко Н. А. Проблемы доказывания добросовестности участников сделок кредитных организаций предбанкротного периода // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 3. – С. 479–483.
3. Кондратьева К. С., Гройсберг А. И. Рассмотрение дел об оспаривании сделок с предпочтением: вопросы теории и практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2015. – № 4 (30). – С. 68–77.
4. Королёва Д. В. Обычная хозяйственная деятельность должника по делу о банкротстве: отдельные аспекты и значение добросовестности контрагента // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 1 (63). – С. 140–150.
5. Свириденко О. М. Оспаривание сделок во вред кредиторам вне процедуры банкротства (внеконкурсное оспаривание) // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 2 (111). – С. 105–112.
6. Стрельникова И. А. Некоторые особенности конкурсного производства и оспаривания сделок в отношении кредитных организаций // Банковское право. – 2022. – № 1. – С. 63–71.
7. Черникова Е. В., Быков В. П. Рассмотрение дел об оспаривании сделок банка, совершенных в процессе обычной хозяйственной деятельности // Современное право. – 2017. – № 1. – С. 56–64.
8. Шишмарева Т. П. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) индивидуальных предпринимателей // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2018. – № 3 (43). – С. 218–224.